

ЮННА МОРИЦ

ПЕРЕВОДЫ

ОСКАР УАЙЛЬД

Quia multum amavi

Когда священник пылкий, молодой
Из тайны тайн вкушает первый раз
Плоть Бога - узника гармонии святой -
И с хлебом поило пьетб войдя в экстаз,

Нет, даже он не в силах испытать,
Что было в ночь, когда глаза мои
Метались на тебе, и протоптать
Я пред тобой колени мог свои.

О, если б я чуть меньше был влюблен
И если бы чуть больше был любим
В те дни, под звон веселья, ливня звон, -
Лакей Страданья - я не стал бы им

Но счастлив, что я так тебя любил,
Хоть голос боли до сих пор жесток.
Подумай, сколько сменится светил,
Чтоб сделать голубым один цветок.

Мой голос

В наш суетливый, в наш тревожный век
Мы насладились жизнью - я и ты,
А ныне просто жалок наш ковчег,
Наш груз иссяк, и трюмы так пусты.

Вот почему бледнее мертвеца
Я стал так рано, и от слезных рек
Сошла вся краска с юного лица,
И Гибель входит шторой в мой ночлег.

Но для тебя вся жизнь в толпе людской -
Не более, чем прелесть лир, виол,
Иль гул уснувшей музыки морской, -
Ракушечное эхо вечных волн.

ЮМ

Истинное знание

Ты знаешь все. А я всерьез
Ищу - в какую почву сеять, -
Но ей милей пырей лелеять,
Без ливня и без ливня слез.

Ты знаешь все. Я - слепота,
Я - немощь, сидя жду, как снова
Мне за последней мглой покровов
Впервые отпрут врата.

Ты знаешь все. Слепец, увечность -
Я льшусь мечтой не жить напрасно,
Вот все, что знаю я прекрасно:
Опять мы встретимся, где вечность.

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

Китайская песня в Европе

Девушка с веера,
С веером смуглым,
Идет над рекою
Мостиком круглым.

Мужчины во фраках
Смотрят, как мил
Под девушкой мостик,
Лишенный перил.

Девушка с веера,
С веером смуглым,
Ищет мужчину,
Чтоб стал ей супругом.

Мужчины женаты
На светловолосых,
На светлоголосых
Из белой расы.

Поют для Европы
Кузнечики вечером.

(Идет по зеленому
Девушка с веером.)

Кузнечики вечером
Баюкают клевер.

(Мужчины во фраках
Уходят на север.)

Встреча

Теперь ни к чему ни тебе, ни мне встречаться наедине.
Ты сама... понимаешь вполне.
Я так любил ее, господи боже!
Ступай же тихонько по этой дорожке.
Как на распятыях, следы от гвоздей у меня на запястьях.
Ты видишь кровавую тень впереди?
Никогда не оглядывайся, иди,
и молись в глубине Каэтану святому,
и скажи ему в тишине, что теперь ни к чему ни тебе, ни мне встречаться наедине.

На ушко девушке

Не хотел.
Не хотел говорить ничего.

Я увидел в глазах твоих
два немислимых деревца.
Невесомых, веселых и золотых.
Они раскачивались.
Не хотел.
Не хотел говорить ничего.

Раздумья над дождем

Ливень ласки и грустия
прошумел в захолустье,
дрожь вселил на
прощанье в садовые
листья.

Эта почва сырая пахнет
руслom покоя,
сердце мне затопляя
нездешней тоскою.

На немом окоеме
рвутся плотные тучи.
Кто-то капли вонзает в
дремотную заводь,
кругло-светлые жемчуги
всплесков бросает.
Огоньки, чья наивность
в дрожи вод угасает.

Грусть мою потрясает
грусть вечернего сада.
Однозвучная нежность
переполнила воздух.
Неужели, господь, мои
муки исчезнут,
как сейчас исчезает хрупкий
лиственный отзвук?

Это звездное эхо, что хранится в предсердье,
станет светом, который мне поможет разбиться?
И душа пробудится в чистом виде - от смерти?
И что в мыслях творится, - в темноте растворится?

О, затих, как счастливый, сад под негой дождливой!
В чистоте мое сердце стало отзвуком, эхом
разных мыслей печальных и мыслей хрустальных,
их плесканье в глубинах - вроде крыл голубиных.
Брезжит солнце.
Желтеют бескровные ветви.

Рядом бьется тоска с клокотаньем смертельным,
и тоскую сейчас о безнежностном детстве,
о великой мечте - стать в любви гениальным,
о часах, проведенных - как эти! - в печальном
созерцанье дождя.

Красная Шапочка,
по дороге идя...
Сказки кончились, я растерялся над бездной,
над потоком любви - муть какая-то в звездах.

Неужели, господь, мои муки исчезнут,
как сейчас исчезает хрупкий лиственный отзвук?

Снова льет.
Ветер призраки гонит вперед.

Серенада

При луне у речной
долины

полночь влагу в себя
вбирает,

и на лунной груди
Лолиты

от любви цветы
умирают.

От любви цветы
умирают.

Ночь нагая поет в
долине

на мостах, летящих
над мартом.

Осыпает себя Лолита
и волнами, и нежным
народом.

От любви цветы умирают.

Эта ночь серебра и аниса
сверкает на крышах голых.

Серебро зеркал и водопадов,
анис твоих бедер белых.

От любви цветы умирают.

СЕСАР ВАЛЬЕХО

Поэт своей любимой

На кривых перекладинах губ в темноте
Ты распята была, как Иисус на кресте,
Боль твоя означала - Иисус на кресте
Безутешно заплакал в крови, в наготе.

Это - странная ночь, не такая, как те...
Смерть трубила в берцовую кость в темноте,
Посреди сентября, в дождевой чистоте
Искупленье и грех обнялись на кресте.

Мы умрем, только рядышком, рядом совсем,
И высокая горечь исчезнет со всем,
И усопшие рты припадут к пустоте.

И не будет упрека в тебе, неживой,
Мертвый, я не обижу тебя, как живой,
Будем братом, сестрой при едином кресте.

Одиночка в четыре стены,
о, коробка в четыре стены,
безнадежная вечная цифра!

Четвертует четверка углов
все четыре конечности тела
четверней ежедневных оков!

Где ты, ключница с лаской ключей?
Если б ты увидала, как вечно,
несомненно и ровно четыре!

Если б мы оказались вдвоем
против них, четверых. О, скажи мне,
ты б ни разу не плакала, правда?!

Ах, застенок в четыре стены!
Две из них, что гораздо длиннее,
этой ночью меня истерзали
тенью двух матерей уже мертвых,
но ведущих вдоль бромистых склонов
одного и того же ребенка.

Остаюсь я с протянутой - правой,
в ней усилия левой и правой,
двух, разъятых насилием, рук.
О, ишу я третьейскую руку,
чтоб она приласкала на ошупь
искалеченность духа и тела,
заточенных в пространство и время.

МИГЕЛЬ ЭРНАНДЕС

Моей Хосефине

Как ярки твои письма -
вино мое, мой хлеб,
единственная пища,
протянутая в склеп.

Просвечивают стены,
и видится, как сон,
твое морское тело,
горчашее, как соль.

Я снова пастушонок,
я жив, я не скорблю,
толпящиеся письма
я сердцем накормлю.

И даже если буду
в земле встречать рассвет,
пиши мне, чтоб оттуда
хоть раз пришел ответ.

Наша молодость не умирает

Да, изваянья их лежат.
Но павший - не мертвец.
Бессмертья сахарный росток
над ними выгнул шею:
тучнеет хлеб, чернеет жнец,
трава хлебает громко сок,
не глядя на траншею.

Апрель и май прикрыли эту кровь.
И первый луч, отточенный, слепящий,
по горло входит в травяной покров,
чтоб шевелилось кладбище, как спящий.

Так, вероятно, умирали львы -
рыча, сражаясь, в песен крупной пене.
Еще горячих, их глотали рвы,
кончалась кровь, и восходило пенье.

Они до клетота в груди,
до шепота в бреду
шли. И всего один патрон
поколебал их в шаге.
Они свалились в борозду,
на сапога бродячий трон,
на небосвод отваги.

Дороже мужества микрон,
чем страха океаны.
Сквозь вечный день,
со всех сторон,
пересекая страны,
на спинах коней, светлеющих издали,
хотя они гибельны и мрачны,
проносятся люди, одетые в выстрелы,
идеей пристанища увлечены.

Нет ничего светлее их смертей.
Смотрите, женщины с сияющими лбами:
там зеленеет вечная, как тень,
их молодость над верхними губами.

Полёт

Летает влюбленный только. Но кто полюбил настолько,
чтоб воплотиться в птицу и распрямиться в лёте?
В ненависти погрязло все до последней дольки,
жаждущей без оглядки взмыть опереньем плоти.

Любить... Но кто же способен? Летать... Но кто же способен?
Я в силах ворваться в небо, голодное от бескрылости,
но внизу любовь задыхается, ибо в ненависти и злобе
остается одно отчаянье и крыло не способно вырасти.

Существо, от желаний светлое, мечется, мечется, мечется -
хочет вырваться, чтобы свобода стала гнездом над мерзостью,
хочет забыть наручники, вросшие в человечество.
Существу не хватило перьев: оно утыкано дерзостью.

Иногда оно возносилось так высоко над сушим,
что небо сверкало на коже, а птицы - внизу и рядом.
Душа, однажды смешавшаяся с жаворонком поющим
и потом упавшая градом в ад, пропитанный смрадом.

Ты знаешь теперь наверно, что жизни других - это плиты:
живьем замуруют! Остроги - проглотят, как тварь, потроша!
Вперед, через груды и толпы тех, кто с решетками слиты.
Даже из клетки, где сыты, рвитесь, и кровь и душа.

Смешное жалкое платье, моя оболочка брэнная.
Жрущая и вдыхающая огонь, пустая труба.

Изъеденный меч, затасканный от вечного употребления.
Тело, в тюрьме которого разворачивается судьба.

Ты не взлетишь. Ты не можешь летать, никчемное тело,
блуждающее в галереях, где воздух меня сковал.
Льнушее к небу тело, которому дно надоело,
ты не взлетишь. Все так же мрачен и пуст провал.

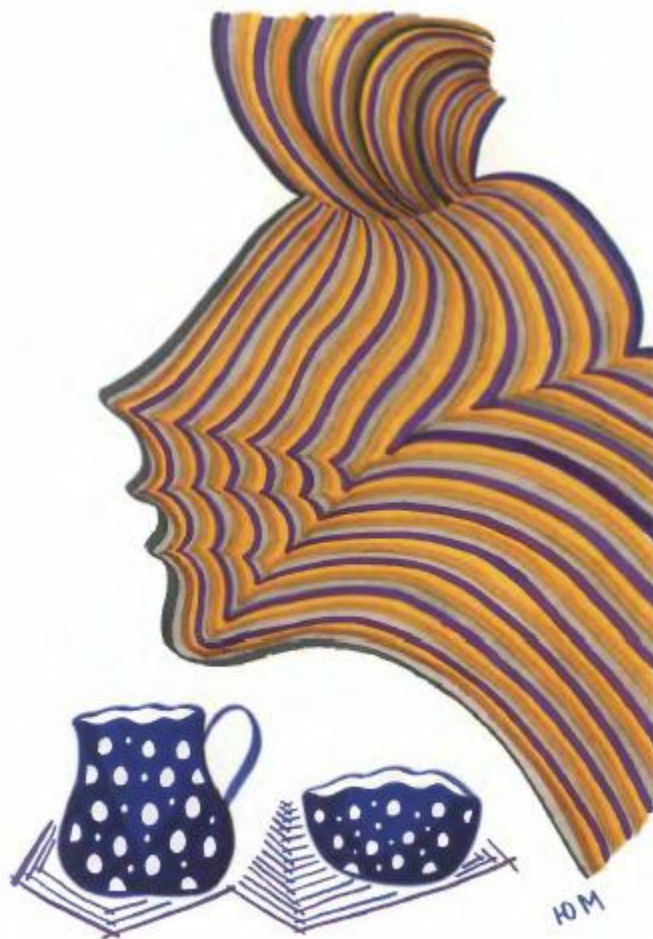
Руки - не крылья. Руки - может быть, два отростка,
предназначенные для неба, для зеленого моря листьев.
Кровь тоскует от одиночества, ударяется в сердце жестко.
Мы печальны от заблуждений, предрассудков и лживых истин.

Каждый город, спешащий, спящий, обладает немотой казематов,
тишиной сновидений, которые ливнем огненным канут в
жижицу.

Все охрипло от невозможности улететь из этого ада.

Человек лежит, как раздавленный. Небо висится.

Воздух движется.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Земля - это люлька людская.
Качается люлька с людьми.
Веками качается, нам намекая,
Что мы остаемся людьми.
А в люльке веками скулят не смолкая,
Веками режут и режут . . .
Качается люлька такая людская,
Где маму веками зовут!

Одни в этой люльке от голода плачут -
Веками хотят молока,
Другие - веками от радости пляшут,
Любимую куклу схватив за бока!
А третьи хотят кувырнуться все время,
Устраивать трам-тарарам!
А эти все время сражаются с теми -
Как петухи по дворам!

Земля - это крепкая люлька людская.
Качается люлька с людьми,
Веками качается, нам намекая,
Что мы остаемся детьми.
А в люльке одним улюлюкает вьюга
В то время, как жарко другим...
И мы донимаем веками друг друга
То смехом, то плачем своим.

Просящий, дающий, скулящий, поющий,
Всяк суший, какой-никакой,
Однажды - не дважды, не на ночь - навеки
Уснет в этой люльке людской.

Бунт

Ты с утра не сказала ни слова!
Говори - что я сделал такого?
Обокрал я кого-то, убил
Или хуже того - оскорбил?
О, за что я так строго наказан?!
Хватит, женщина, мучить беднягу,
Человека, который ни разу
Даже камня не бросил в дворнягу.
Извини, но сегодня мне кажется,
Что совсем не такой
Грешный я и плохой,
Как сегодня тебе это кажется.
У меня недостатков навалом!
Но тебе я всю правду открою:
Их ведь меньше, чем ты называла,
Вдвое меньше, чем ты называла,
Вдвое меньше, а может, и втрое!
А теперь посмотри беспристрастно
Ты не так, дорогая, прекрасна,
Как - сегодня и вечно! - мне кажется.
И совсем не такой
Грешный я и плохой,
Как сегодня тебе это кажется.
Так и знай - не со мною совсем,
А с другими, с другими как раз
Ты воюешь сейчас! А меж тем
Невидимки есть в каждом из нас,
И они - не такие вредители,
И у них были тоже родители,
Мамы были у них дорогие
Да, не хуже твоей и моей.
Стань, о женщина, сердцем добрей!
В каждом вечно таятся другие,
И для них мы ведь тоже - другие,
И они - не такие ужасные,
Не такие, как нам это кажется,
И ведь мы - не такие прекрасные,
Не такие, как им это кажется.
Говори - что я сделал такого?

Если я совершил преступление,
Пусть меня покарают сурово,
Пусть назначат за грех искупление!
Где же судьи и где прокуроры?
Я согласен их сам привести,
Лучше смертные их
приговоры,
Чем твои молчаливые
ссоры,
Эти взоры и эти укоры,
Лучше мне головы не
снести!
Я не скрытен, не
злобен,
И я не способен
Мысли, страсти
держатъ взаперти!
Нет, тебе я всю правду
открою:
Ты - как я, ты
прекрасна порою
И, конечно, порою
ужасна!..
А теперь посмотри
беспристрастно
Ты не так, дорогая,
прекрасна,
Как - сегодня и вечно! - мне кажется.
И совсем не такой
Грешный я и плохой,
Как сегодня тебе это кажется.
Суди меня по кодексу любви.

ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ

Майдан

(Последняя песня старого лирника)

Переведи меня через майдан,
Через родное торжище людское,
Туда, где пчелы в гречневом покое,
Переведи меня через майдан.

Переведи меня через майдан,-
Он битвами, слезами, смехом дышит,
Порой меня и сам себя не слышит.
Переведи меня через майдан.

Переведи меня через майдан,
Где мной все песни сыграны и спеты,
Я в тишь войду и стихну - был и нету.
Переведи меня через майдан.

Переведи меня через майдан,
Где плачет женщина, - я был когда-то с нею.
Теперь пройду и даже не узнаю.
Переведи меня через майдан.

Переведи меня через майдан,
С моей любовью, с болью от потравы.
Здесь дни моей ничтожности и славы.
Переведи меня через майдан.

Переведи меня через майдан,
Где тучи пьяные на пьяный тополь тянет.
Мой сын поет сегодня на майдане.
Переведи меня через майдан.

Переведи... Майдана океан
Качнулся, взял и вел его в тумане,
Когда упал он мертвым на майдане...
А поля не было, где кончился майдан.

ТЕОДОР РЕТКЕ

The small birds swirl around;
The high cicadas chirr;
A towhee pecks the ground;
I look at the first star:
My heart held to its joy,
This whole September day.

The moon goes to the full;
The moon goes slowly down;
The wood becomes a wall.
Far things draw closer in.
A wind moves through the grass,
Then all is as it was.

What rustles in the fern?
I feel my flesh divide.
Things lost in sleep return
As if out of my side,
On feet that make no sound
Over the sodden ground.

The small shapes drowse;
I live To woo the fearful small;
What moves in grass I love—
The dead will not lie still,
And things throw light on things,
And all the stones have wings.

МЕЛЬЧАЙШЕЕ

Витание пернатых,
Журчание цикад.
В заоблачных пенатах
Зажегся звездный взгляд:
Роднит блаженство нас
В такой осенний час.

Луна полнеть пошла,
Луна садится плавно.
Вблизи видны тела,
Далекие недавно.
Траву пробрал сквозняк—
И прежний мир возник.

Что в зарослях шуршит?
Утраченный во сне,
Конкретный мир спешит,
Спешит в меня извне,
Беззвучно ставя ноги
На грунт сырой дороги.

Мельчайшего слуга,
Я мелюзги пастух.
В лугах, где мелюзга,
Подвижен даже прах,
Там в каждом — смысла свет
И камень там крылат.

THE WAKING

I wake to sleep, and take my waking
slow.

I feel my fate in what I cannot fear.
I learn by going where I have to go.

We think by feeling. What is there to
know?

I hear my being dance from ear to ear.
I wake to sleep, and take my waking
slow.

Of those so close beside me, which are
you?

God bless the Ground! I shall walk
softly there,
And learn by going where I have to go.

Light takes the Tree; but who can tell us
how?

The lowly worm climbs up a winding
stair;
I wake to sleep, and take my waking
slow.

Great Nature has another thing to do
To you and me; so take the lively air,
And, lovely, learn by going where to
go.

This shaking keeps me steady. I should
know.

What falls away is always. And is near.
I wake to sleep, and take my waking
slow.

I learn by going where I have to go.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Проснувшись в сон, я мыслил в этом
сне:

Моя судьба — там, где неведом
страх,
Учусь в пути, и цель понятна мне.

Мы чувством думаем. Но что понять
извне?

Моя душа — лишь звук в чужих ушах,
Проснувшись в сон, я мыслил в этом
сне.

Из тех, кто близок, как узнать—кто
ты?

Пусть Бог благословит мой тихий
путь,
Учусь в пути, и цель понятна мне.

Свет дерево укрыл. Как? Кто поймет
вполне?

По лестнице крутой ползет червяк,
Проснувшись в сон, я мыслил в этом
сне.

Великая Природа с высоты
Еще приветит нас. В ее лесах
Учись в пути, цель встретишь в
тишине.

Страх душу утвердит. Понять бы мне
—

Ушедшее ушло, но близко так...

Проснувшись в сон, я мыслил в этом
сне.

Учусь в пути, и цель понятна мне.